

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 17-го Июля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10346.

ЛАНДЫШИ.

КЪ ПЕРЕЛЕТУ „ПЕТЕРБУРГЪ—МОСКВА“.

(СИЛУЭТЪ).

Не оскорбляй холод-
нымъ жесткимъ то-
номъ
Ты юношу, что, всѣми
отчужденъ,
За помошью пришелъ къ
тебѣ съ поклономъ:
Быть можетъ, сынъ бо-
говъ бессмертныхъ
онъ...
Гейне.

Андрюша Казаровъ,
юноша лѣтъ девятна-
дцати, съ блѣднымъ ли-
цомъ, большими сѣры-
ми глазами и головой,
на которой во всѣ сто-
роны торчали непо-
корные вихры,
написалъ раз-
сказъ.

Онъ долго ду-
малъ, какъ оза-
главить раз-
сказъ, и, на-
конецъ, даль-
ему названіе
„Ландышъ“. Когда онъ пи-
салъ разсказъ,
онъ горѣлъ, му-
чился и испы-
тывалъ то, что
поэты называ-
ютъ вдохнове-
ніемъ. Въ убо-
гой комнатѣ,
которую Андрю-
ша снималъ
вмѣстѣ съ ба-
бушкой, вязав-
шей въ какую-
то лавченку воз-

лѣ заставы шерстяные чулки, было
печально и холодно. На окнахъ
висѣли ледяные сосульки, и тотъ
уголъ, который выходилъ не къ хо-
зяйской стѣнѣ, промерзалъ насквозь
и былъ, какъ пурпур, покрытъ бѣ-
лыемъ налетомъ снѣга. Чадная лампоч-
ка тускло подмигивала, будто плохо
вѣрила въ работу Андрюши, и такъ
гудѣла, точно гдѣ-то далеко-далеко въ
тихую темную ночь шелъ желѣзодо-
рожный поѣздъ. Въ ея гудѣніи Андрю-
шѣ чудились слова:

— Брось, брось, брось!

Да, въ убогой комнатѣ было непрі-
ятно и холодно, и, бросая работу, Ка-
заровъ иногда потиралъ руки и дулъ
себѣ въ кулаки; но въ разсказѣ его
говорилось о веснѣ, цвѣтахъ, жаркомъ
солнцѣ, женской любви, о всемъ томъ,
чего былъ лишенъ Андрюша. И, быть
можетъ, отъ контраста нѣжной мечты
съ тяжелой дѣйствительностью Андрю-
ша часто вздыхалъ за работой, и изъ
глазъ его капали слезы, которыхъ онъ
спѣшилъ отирать, пока ихъ не замѣ-
тила старая бабушка.

Если-бы бабушка знала, что Андрю-
ша пишетъ разсказъ, она отнеслась бы
къ этому въ высшей степени неодоб-

Кампо-Сципіо.

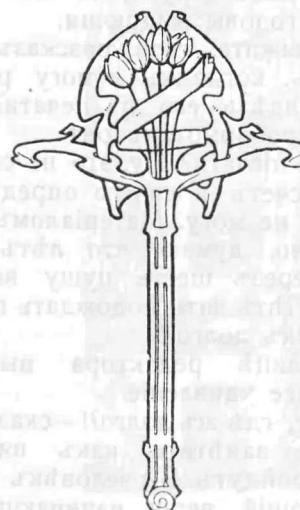
Васильевъ.

Масленниковъ.

Агаоновъ.

Слюсаренко.

ричекъ Мартынъ Мар-
тыновичъ.

Кончивъ разсказъ,
Андрюша тщательно
переписалъ его, навер-
ху вывелъ заглавіе
„Ландышъ“, подчерк-
нулъ заглавіе два ра-
за и понесъ разсказъ
на судъ старого учите-
ля, жившаго на убогую
пенсію въ убогомъ ме-
зонинѣ того же дома.

Старый учитель былъ
только учителемъ чи-
стописанія; къ тому же
онъ слышалъ плохо; но,
прослушавъ разсказъ,
онъ одобрительно и
младенчески радостно

улыбнулся, какъ
будто разсказъ
Андрюши былъ
его собствен-
нымъ разсказ-
омъ, и сказалъ:

— Эге, юно-
ша! Не плохо.
Пожалуй, и со-
всѣмъ хорошо.
Работайте надъ
собой, юноша.
Мнѣ кажется,
у васъ есть та-
лантъ, который
грѣшно зары-
вать въ землю.
А разсказъ от-
несите въ жур-
налъ (учитель
показалъ рукою
куда-то въ
про стран-
ство)... тамъ
напечатаютъ.

— Вы думаете? — спросилъ Андрю-
ша, у которого захватило отъ радости
духъ.

— Тамъ напечатаютъ! — повторилъ
старый учитель.

Въ сердцѣ Андрюши сладко пѣли
птицы, и робко кивали головками нѣж-
ные лилии; и птицамъ и лиліямъ ласко-
во свѣтила луна.

Свернувъ рукопись въ трубочку и
перевязавъ ее красной шер-
стинкой съ бабушкиного клубка,—
такъ она казалась наряднѣе,—Андрю-
ша пошелъ въ редакцію „Выюги“.

Еженедѣльный журналъ „Выюга“ из-
давалъ какой-то книгопродавецъ, а
редактировалъ почтенный литераторъ,
романы котораго лѣтъ двадцать пять
тому назадъ (а пожалуй, и больше)
имѣли значительный успѣхъ; моло-
дежь зачитывалась ими; критики по-
хваливали ихъ; наиболѣе строгіе и
придирчивые, правда, не находили въ
авторѣ никакого таланта,—вмѣсто та-
ланта, по ихъ словамъ, у автора имѣ-
лось на лицо только одно прекрасно-
душіе,—но всѣ герои романиста были
такіе прекрасные, милые и добрые
люди, что разносить ихъ даже у са-

мыхъ строгихъ критиковъ не хватало духа. За двадцать пять лѣтъ романистъ повыдохся, повылинялъ, если можно такъ выразиться, подобно весеннему зайцу (а можетъ быть, настало иное время, и публика требовала отъ новыхъ птицъ новыхъ пѣсень); печатали его мало и неохотно, а критикой онъ былъ забытъ такъ основательно, какъ будто бы никогда и не жилъ на бѣломъ свѣтѣ. Угрюмая бѣдность висѣла надъ нимъ. Но, къ счастью, судьба помогла ему попасть въ редакторы „Выуги“, и редакторство обеспечивало его очень недурно. Въ редакционномъ кабинетѣ Андрюшу встрѣтилъ низенький симпатичный человѣкъ съ большой черной бородой и румяными щеками, такого цвѣтущаго вида, какъ будто весь его двадцатипятилѣтній или тридцатилѣтній литературный путь былъ усыпанъ розами безъ всякихъ терній.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ романистъ Андрюшу, вѣжливо склоняя голову на-бокъ.

Андрюша смущился.

— Я... написать разсказъ, — прсбор-

А. Ф. Мальцевъ.

Директоръ полтавской губернской земской психиатрической больницы. 25-лѣтие дѣятельности А. Ф. исполняется 20го іюля.

С. В. Поповъ.

Общественный дѣятель, земской начальникъ, скрѣгъ себя въ своеій домѣ со всѣми дѣлами 28 мая въ Усть-Сысольскѣ.

моталъ онъ, робѣя. — Быть можетъ, его возможно напечатать во „Выугѣ“...

— Гм... Если хорошъ, отчего-же? Какъ заглавіе?

— „Ландышъ“.

Редакторъ потерпѣлъ руки и сказалъ съ удовольствіемъ:

— Заглавіе ничего себѣ! Недурное заглавіе. Оставьте.

Андрюша протянулъ редактору рукопись.

— И почеркъ недурственный: легко читать будешь, — улыбнулся редакторъ.

— Когда же позволите прийти за отвѣтомъ? — спросилъ Андрюша.

— За отвѣтомъ?

Редакторъ задумался.

— Зайдите... годика черезъ полтора, — объявилъ онъ, — къ тому времени я постараюсь прочесть вашъ разсказъ. А если вы года черезъ два завернете, и того лучше: тогда я уже навѣрно прочту и дамъ вамъ отвѣтъ.

Андрюша поблѣднѣлъ и растерялся.

Первою его мыслью была мысль, что редакторъ шутить надъ нимъ; но симпатичный редакторъ глядѣлъ такъ

редакторъ. — Жалѣю васъ, но ничего сдѣлать не могу. Отчего вы — Казаровъ, а не Маминъ, Немирович-Данченко или хотя бы Вербицкая? Отчего вы не братъ, хотя бы и двоюродный, извѣстного писателя или писательницы? Тѣмъ везетъ. Сейчасъ въ „Лѣсныхъ Дебряхъ“ анонсируется большой романъ Похитонова „Лѣтній зной“; и очень мало кто знаетъ, что это не настоящій Похитоновъ, а только его начинающій братъ, такъ же похожій талантомъ на знаменитаго беллетристу, какъ на лѣтній зной походитъ декабрьскій холодъ. Для того, чтобы ввести публику въ заблужденіе, для фамиліи безвѣстнаго автора въ анонсѣ взять самый жирный шрифтъ. Это, конечно, не литературно, и „Выуга“ никогда не позволитъ себѣ ничего подобнаго, но говорить, что „Лѣсныя Дебри“ (въ голосѣ редактора прозвучала нотка печали), благодаря этой аферѣ, дѣлаютъ хорошія дѣла. Зная нашу публику, это можно вѣрить.

Редакторъ вздохнулъ, а Андрюша побрѣлъ прочь изъ редакціи; на душѣ у него было грустно и смущно. Но мо-

С. Ф. Шараповъ.

Извѣстный правый публицистъ. Умеръ 27-го іюня.

лодости свойственна измѣнчивость настроенія; черезъ двѣ улицы Андрюша усмѣхнулся: въ сердцѣ его зажглась надежда.

— Свѣтъ не клиномъ сошелся, — подумалъ онъ. — Не можетъ быть, чтобы вездѣ было тоже. Зайду въ „Утреннюю Зарю“: не повезло во „Выугѣ“, авось, въ „Утренней Зарѣ“ повезетъ.

Редакція „Утренней Зари“ помѣщалась довольно близко; черезъ четверть часа, оставивъ пальто у швейцара, Андрюша входилъ въ новый редакторскій кабинетъ.

Редакторъ „Утренней Зари“ произвелъ на Андрюшу крайне неблагопріятное впечатлѣніе, хотя въ физіономіи его не было ничего уродливаго или отталкивающаго; это былъ господинъ лѣтъ 35-ти, съ нервнымъ лицомъ, небольшой бородкой и озабоченностью въ карихъ глазахъ. Физіономистъ опредѣлилъ бы, что это человѣкъ крайне занятой, заваленный работой, человѣкъ, не любящій тратить слова по пустякамъ. Онъ такъ сурово взглянулъ на Андрюшу поверхъ своихъ

серъезно и невозмутимо, что мысль о шуткѣ, какъ вспугнутая чайка, улетѣла изъ головы Андрюши.

— Скажите, если разсказъ будетъ принятъ, когда-жъ я могу, разсчитывать увидѣть его въ печати? — растерянно пробормоталъ онъ.

— Въ печати? Ну, это не скоро. На этотъ счетъ я ничего опредѣленного сказать не могу. Матеріаломъ я заваленъ, но, думаю, что лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть пущу вашъ разсказъ. Лѣтъ пять подождать придется.

— Такъ долго?

На лицѣ редактора выразилось искреннее удивленіе.

— Ну, гдѣ-жъ долго?! — сказалъ онъ. — И не замѣтите, какъ пять-шесть лѣтъ пройдутъ. Вы человѣкъ молодой, начинающій, вещи начинающихъ авторовъ печатаются по очереди; еслибы у васъ было литературное имя, тогда другое дѣло; если-бъ вы были извѣстнымъ беллетристомъ, я пустилъ бы васъ въ всякой очереди. Кстати: какъ ваша фамилія?

— Казаровъ.

— Ну, вотъ видите: совсѣмъ нелитературная фамилія; и среди покойныхъ и среди здравствующихъ беллетристовъ ни одного Казарова нѣтъ. Будь вы Купринъ, Андреевъ, ну, Сологубъ, что-ли, у васъ бы былъ бы шансъ на то, чтобы мы напечатали васъ раньше. Между нами, публика глупа: она не сразу разбереть, настоящій это Купринъ или однофамилецъ, а извѣстное имя даетъ журналу успѣхъ. О немъ говорятъ. Казаровъ же...

Редакторъ печально покачалъ головой.

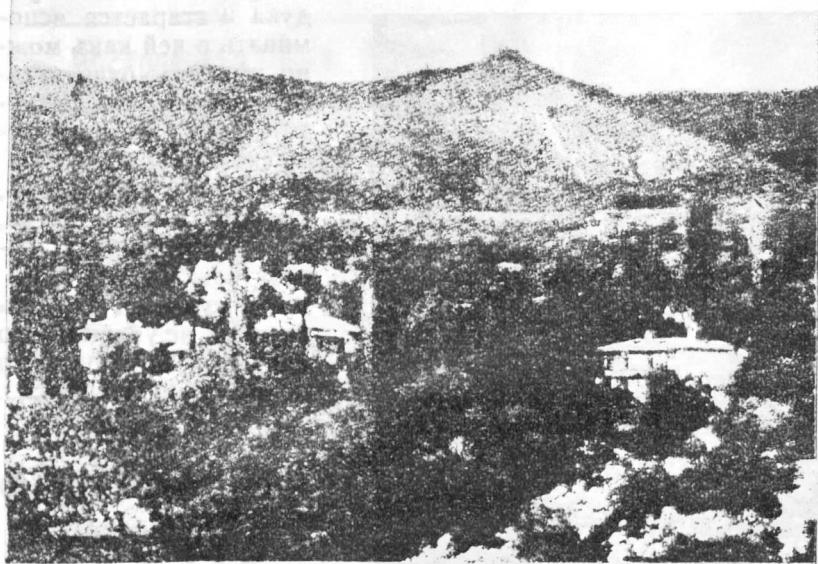
— Совсѣмъ нелитературная фамилія: даже изъ умершихъ беллетристовъ никто ея не носилъ, такъ что вашъ разсказъ ни одна туница въ мірѣ не приметъ хотя бы за посмертную вещь извѣстнаго автора. Жаль, но у васъ нѣтъ ни малѣйшаго шанса быть напечатаннымъ раньше пяти-шести лѣтъ.

Андрюша вздохнулъ и взялъ рукопись обратно.

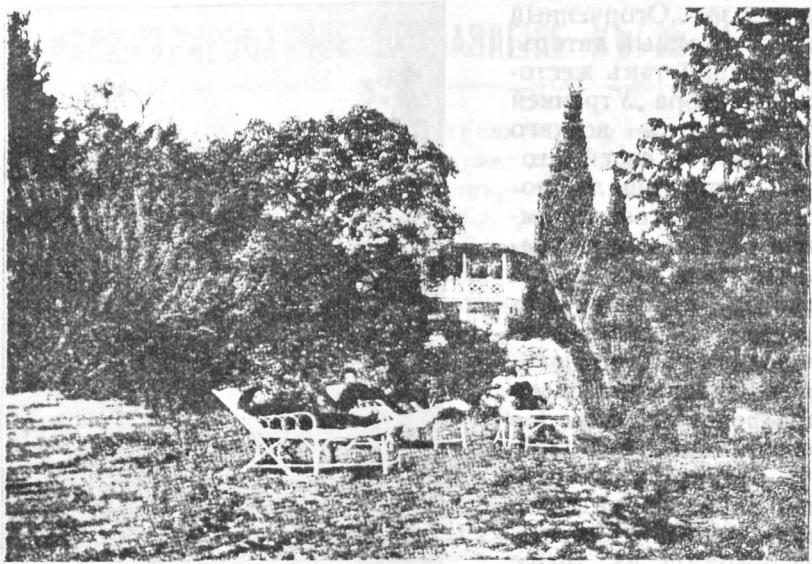
— До свиданія! — сказалъ онъ.

— До свиданія! — пожалъ ему руку

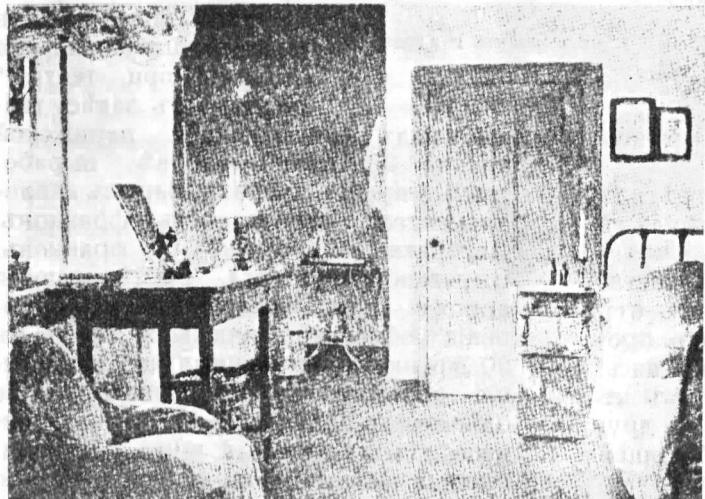
ЛИМЕНСКАЯ САНАТОРИЯ ВЪ ПАМЯТЬ А. П. ЧЕХОВА ВЪ КРЫМУ, БЛИЗЪ СИМЕИЗА.

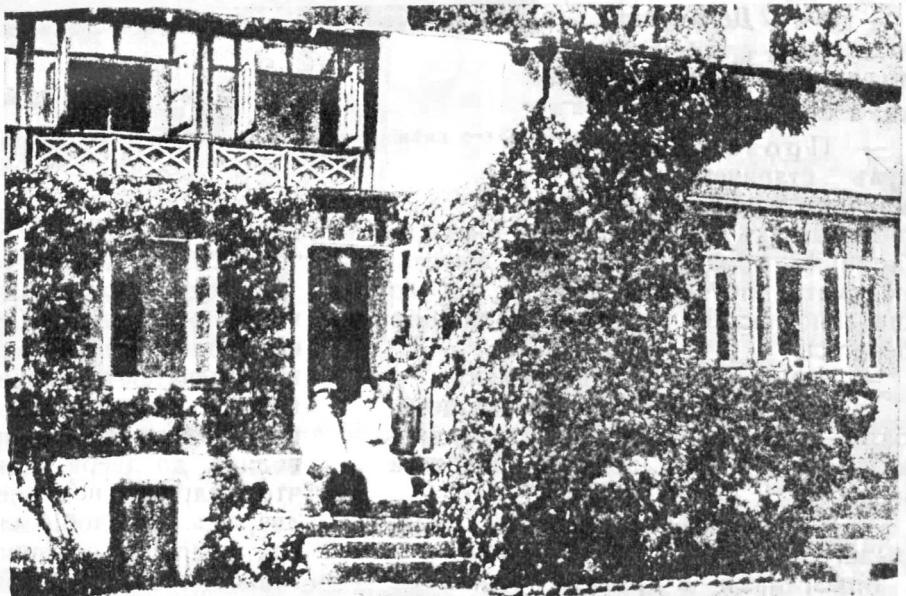
Общий видъ санаторії.

Площадка для отдыха.

Одна изъ комнатъ санаторії.

Одинъ изъ домиковъ для больныхъ.

прекрасныхъ золотыхъ очковъ, что молодой авторъ сразу прозябъ. Кромъ редактора, въ кабинетѣ находился кто-то другой, по всей вѣроятности, секретарь редакціи, человѣкъ тоже очень серьезный и очень занятой. Секретарь читалъ какую-то рукопись и съ удовольствіемъ вычеркивалъ изъ нея цѣлые длинные строки.

— Что скажете? — спросилъ Андрюшу редакторъ.

— Я... я... вотъ рукопись... „Ландышъ“, небольшой разсказъ... — бормоталъ Андрюша.

— Вы начинающій авторъ?

— Да.

— Вы написали разсказъ „Ландышъ“?

— Да.

— Такъ. И принесли для напечатанія въ „Утреннюю Зарю“? Отлично. А рекомендательное письмо отъ критика Авессаломова у васъ есть?

— Нѣтъ. Я даже не знаю критика Авессаломова.

— Гм... Можетъ быть, у васъ есть карточка отъ Чижевича?

— Я и Чижевича не знаю.

Редакторъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Андрюшу; потомъ глаза

его перебѣжали на секретаря редакціи съ такимъ выраженіемъ, какъ будто приглашали полюбоваться: каковъ экземпляръ? А? Секретарь не остался глухимъ къ призыву редакторскихъ глазъ и поглядѣлъ на Андрюшу такъ, какъ глядѣть на гориллу или шимпанзе. Нервно откинувъ упавшую на лобъ прядь волосъ, редакторъ съ отчаяніемъ спросилъ Андрюшу:

— Не послалъ ли васъ ко мнѣ, на-
кенецъ, Шлуглейтъ?

— Извините... — смутился Андрюша,
я и съ Шлуглейтомъ не знакомъ.

Брови суроваго редактора нахмури-
лись; въ глазахъ мелькнуло изумленіе.

— Удивительно! — заговорилъ онъ пла-
чувшимъ голосомъ. — Прямо невѣроят-
но. У васъ нѣтъ ни письма отъ Авес-
саломова, ни карточки отъ Чижевича.
Наконецъ, даже и Шлуглейтъ васъ ко
мнѣ не присыпалъ. Мало того: вы да-
же не знакомы съ Шлуглейтомъ! (Гла-
за редактора опять перебѣжали на
секретаря, и послѣдній высоко под-
нялъ плечи въ знакъ своего полнаго
недоумѣнья). Кто же вы, что рѣшае-
тесь, какъ говорится, ни съ того ни
съ сего идти въ редакцію „Утренней
Заря“ съ вашей рукописью, безпо-

коить редактора, отрывать его отъ
дѣлъ?

— Извините...

— Кто вы такой? Какъ ваша фа-
милія?

— Казаровъ.

— Гм... Судя по вашимъ поступ-
камъ, можно предположить, что вы —
Купринъ или, по меньшей мѣрѣ, Пот-
апенко. Простите, но я человѣкъ за-
нятой, мнѣ дорога каждая минута, на
мнѣ лежитъ сложная обязанность ре-
дактированія журнала, въ которомъ
считаютъ за честь работать корифеи
русской литературы. Кто вамъ ска-
залъ, что вашъ разсказъ можетъ быть
взять и помѣщенъ мною въ „Утренней
Зарѣ“?

— Извините...

— „Утренняя Заря“ печатаетъ толь-
ко корифеевъ! Въ „Утренней Зарѣ“
даже для корифеевъ не хватаетъ мѣ-
ста, а вы... а вы...

Редакторъ перевѣль духъ, посмо-
трѣлъ на секретаря и спросилъ пла-
чевно:

— Какъ это вамъ покажется, Иванъ
Ильичъ? А?

Секретарь молча пожалъ плечами;
чтобы опредѣлить смѣлость и, по-

жалуй, безцеремонность Андрюши, въ его лексиконѣ даже словъ не нашлось. Огорченный и разстроенный авторъ, обидѣвшій такъ жестоко редактора „Утренней Зари“ безъ всякаго умысла съ своей стороны, поспѣшилъ покинуть негостепріимную редакцію и направилъ стопы въ третье мѣсто, въ журналъ „Улей“. „Улей“ редактировалъ старичекъ, очень сѣденкій и очень дряхленкій, болѣе брюзгливый, чѣмъ злой. На редактора „Утренней Зари“ онъ походилъ менѣе, чѣмъ овца походить на тигра. Завидѣвъ рукопись въ рукахъ Андрюши, онъ спросилъ съ опаской во взглядѣ:

— Поэтъ? Декадентъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Андрюша,—это не стихи, а проза.

— Проза?—протянулъ старичекъ.—Романчикъ навѣрно? Въ пяти частяхъ съ эпилогомъ? Молоды, батенька, романы писать... пожить, подумать, поучиться надо, а вы, со школьной скамьи соскочивъ, за романъ беретесь.

— Извините, у меня не романъ.

— Ага, повѣсть? Съ разсказцѣвъ, батенька, начинать нужно, съ маленькихъ вещей. Для повѣсти подрости нужно.

— Я принесъ вамъ разсказъ... „Ландышъ“.

Брюзгливый и дряхлый редакторъ смущился на мгновеніе, но тотчасъ же оправился.

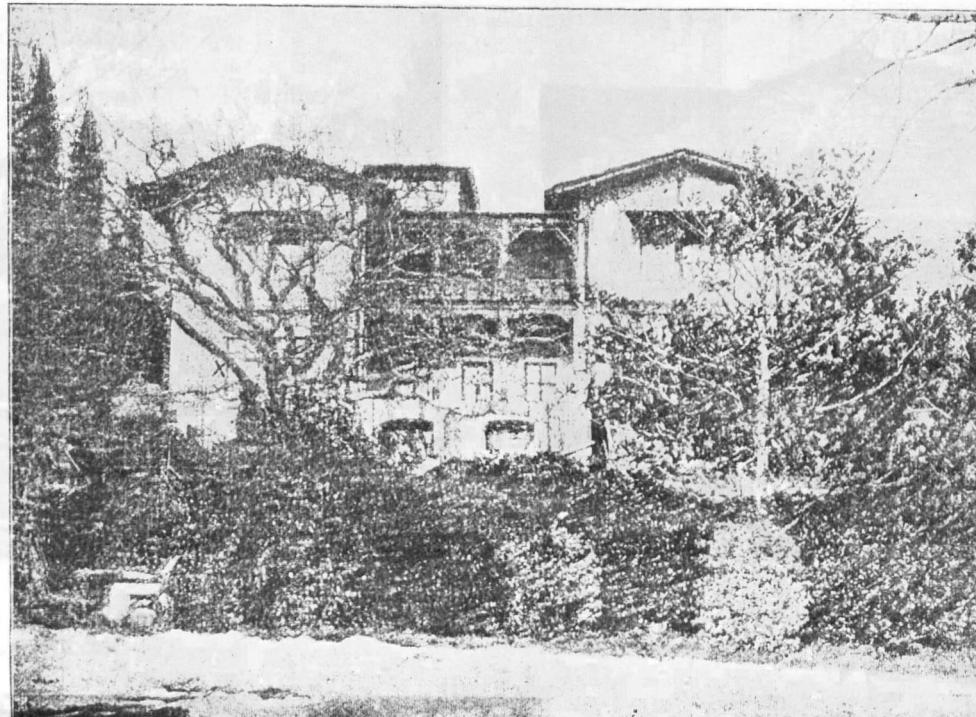
— Ага, легкаго заработка захотѣли?!—обрадовался онъ.—Тяпъ да ляпъ—и готовъ корабль, печатайте меня, господинъ редакторъ. Ужасъ беретъ, когда подумаешь, кто теперь не пишетъ разсказовъ? Однѣ лѣнивый не пишетъ. А въ литературѣ ничего не подѣлаешь безъ труда: въ потѣ лица работать нужно, писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, какъ мы, старые писатели, писали. Пожалуй, съ разсказовъ начинайте, но держите ихъ въ письменномъ стотѣ, вродѣ пробы пера. Несите въ печать вашъ трудъ только тогда, батенька, когда дарованіе ваше окреѣнетъ и вамъ удастся написать что нибудь по-серѣзинѣ разсказа въ четыре странички. А вы, молодежь, иной системы держитесь: вы засыпали всѣ редакціи вашими разсказами; сотни, миллионы въ журналахъ вашихъ разсказовъ. Да.

Андрюша стоялъ печальный и обезкураженный; старичку сдѣлалось жаль начинаящаго автора.

— Отнесите въ другую редакцію,—сказалъ онъ мягче.—У насъ не пойдетъ; у насъ этихъ разсказовъ ворота... читать времени не хватаетъ.

До сумерекъ Андрюша побывалъ

Къ 95-лѣтію со дня рождения гр. Д. А. Милютинъ.

Домъ графа Д. А. Милутина

въ его имѣніи близъ Симеиза (X)—комната графа, изъ которой онъ не выходитъ 1½ года.

еще въ полдюжинѣ редакцій, рѣшительно безъ всякаго успѣха.

Въ одной редакціи его встрѣтилъ какой-то лохматый субъектъ, оглядѣль его подозрительно и, сказавъ, что у нихъ печатаются вещи только постоянныхъ сотрудниковъ, и работѣ отъ постороннихъ они не принимаютъ, проводилъ до двери, какъ бы опасаясь, что Андрюша подкинетъ разсказъ къ дверямъ, наподобіе младенца; въ другой редакціи сослались на большой запасъ; въ третьей объяснили, что времія помѣщенія разсказа, если онъ будетъ взятъ, такъ-же трудно опредѣлить, какъ открыть квадратуру круга.

— Что я вамъ скажу, молодой человѣкъ,—мрачно объяснилъ редакторъ, если я самъ ничего не знаю? Что я вамъ скажу, если я считаю чистѣйшимъ шарлатанствомъ печатать анонсы о тѣхъ вещахъ, которымъ предложены къ помѣщенію въ будущемъ году? Подумайте, развѣ это не шарлатанство? Какъ я могу знать, что надумаетъ написать въ будущемъ тотъ или иной столпъ русской литературы? Я ничего не знаю. Печатаю, что буду помѣщать только отборные вещи столповъ и читатель долженъ мнѣ на слово вѣрить. Ибо—какъ, что, когда—я и самъ не знаю. И никто не можетъ этого знать! Да.

Въ четвертой редакціи... впрочемъ, не все-ли равно, что именно случилось въ четвертой редакціи? Въ концѣ концовъ Андрюша пришелъ домой, спряталъ рукопись своего разсказа на полку и сказалъ бабушкѣ:

— Бабуся, попросите, чтобы Мартина Мартыновичъ меня писцомъ въ казначейство пристроилъ.

Уже мѣсяца три Андрюша ходитъ въ казначейство и пишетъ требовательная вѣдомости, отношенія, ре-

естры; рукопись „Ландышъ“ съ полки онъ запряталъ на дно сундука и старается вспоминать о ней какъ можно рѣже. Но отчаяваться, конечно, не слѣдуетъ. Если Андрюшъ суждено сдѣлаться извѣстнымъ писателемъ, онъ имъ будетъ. Когда, какъ, при какихъ обстоятельствахъ, — решить мудрено. Но отъ судьбы не уйдешь. Что написано на роду, то непремѣнно случится...

А. Грузинскій.

СМѢСЬ.

Цѣны парижской клаки.

Въ Парижѣ существуетъ великое множество людей, принадлежащихъ къ пріобрѣтшей право гражданства организаціи клакеровъ. Недавно вышедшая изъ печати книга Кональяка „Жизнь при театрѣ“ поднимаетъ завѣсу тай-

ны надъ организаціей парижской клаки. У клаки—вполнѣ выработанный прѣсѣ-курантъ. Взрывъ апплодисментовъ стоитъ пять франковъ. Двукратный взрывъ—10 франковъ. Выраженія восторга расцѣниваются дороже: „продолжительный гулъ одобрения“ обходится директору театра въ 50 франковъ, единичная же изъявленія восторга—въ 25 франковъ. Не одна только „театральная чернь“ производить длительный шумъ. Интеллигентная часть публики, искушившаяся во всѣхъ тонкостяхъ искусства и ставящая себѣ въ непремѣнное правило „ничему не удивляться“, гнушается шумнымъ пріемомъ публики райка. Поэтому то аристократію „міра клакеровъ“ составляютъ специалисты по части „жиденькихъ хлопковъ“. Они одѣты съ явнымъ притязаніемъ на шикъ и должны крѣпко держать себя въ рукахъ, чтобы не разразиться слишкомъ шумными знаками одобренія. Если же идетъ пьеса, притязающая на увеселеніе публики, то на обязанности клакера лежитъ пустить внезапную трель смѣха, стоящую пять франковъ. Продолжительный хохотъ, производящій на театральныхъ рецензентовъ впечатлѣніе „заразительной веселости“, обходится въ 20 франковъ. Приведенные гонорары парижской клаки сохраняютъ свою важность только для заурядныхъ спектаклей. Если же вопросъ идетъ о пьесѣ знаменитаго автора, обѣщающей долго не сходить съ репертуара, между директоромъ театра и клакой заключается особое соглашеніе.

